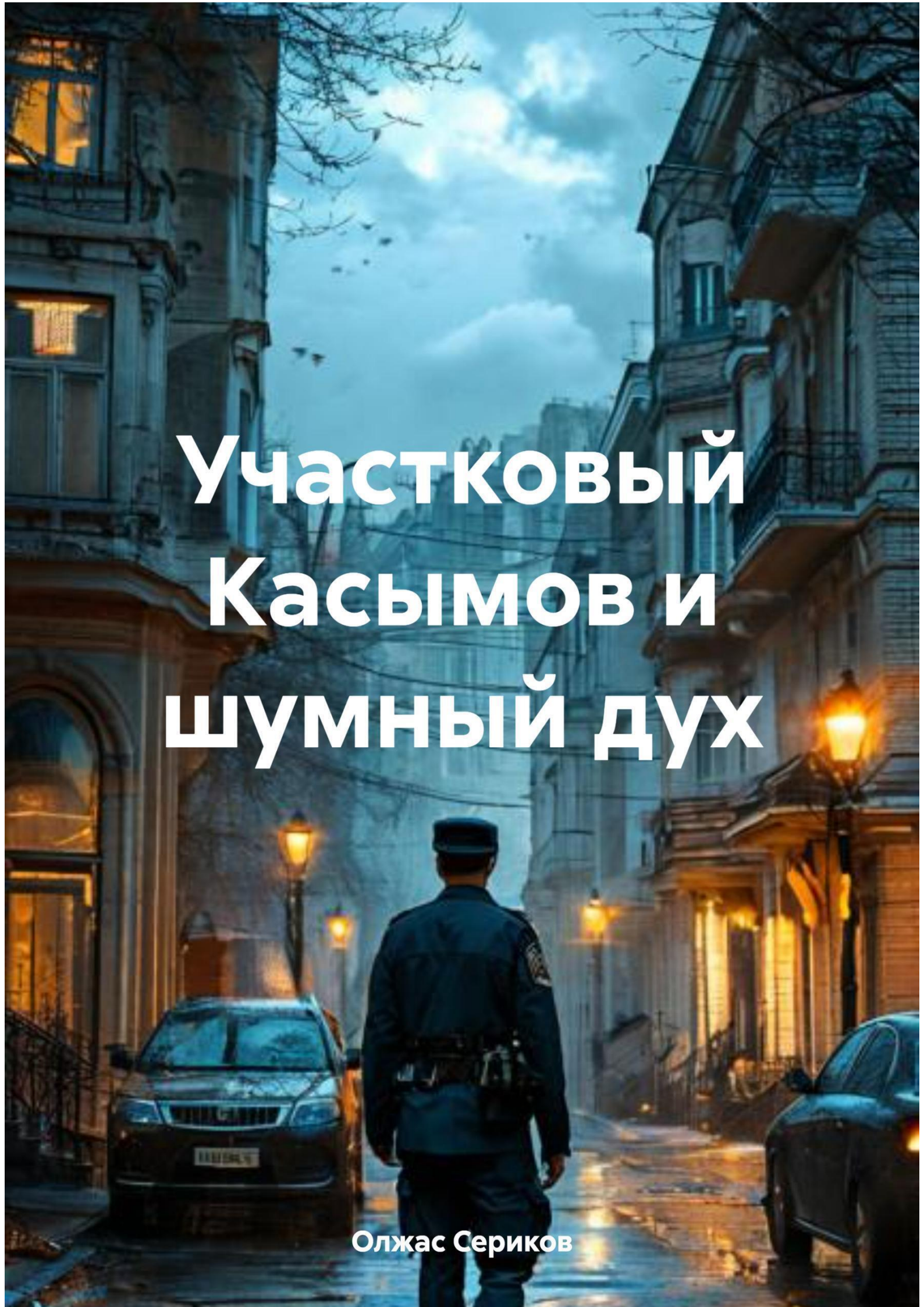

A police officer in a dark uniform and cap is walking away from the camera down a narrow, snow-covered street at night. The street is lined with multi-story buildings, some with lit windows. Street lamps cast a warm glow on the wet pavement. A dark car is parked on the left side of the street.

Участковый Касымов и шумный дух

Олжас Сериков

Олжас Сериков

**Участковый Касымов
и шумный дух**

«Автор»

2025

Сериков О.

Участковый Касымов и шумный дух / О. Сериков — «Автор»,
2025

Инспектор полиции сражается с необъяснимыми явлениями, возникшими в
обычной городской квартире. Мистическая история о духах, привидениях и
буднях участкового.

Олжас Сериков

Участковый Касымов и шумный дух

Рассказы парковщика

История первая

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны.

В начале января дни очень короткие, и темнота опускается на город уже часам к пяти вечера. В это время нет ничего лучше, чем забраться в тесный вагончик и попивать горячий чай, грея обувь у раскаленных прутьев советского электронагревателя, в то время как за окном метель кидает снег на машины и заставляет сильнее кутаться людей, спешащих домой с работы. Такое время очень располагает к душевным разговорам.

Но для меня, к сожалению, зимние вечера – это самый разгар изнурительного труда. Горячий чай, правда, я пью часто, но лишь для того, чтобы не замерзнуть окончательно. Забегаю в вагончик на пять минут, отогреваю пальцы на руках и ногах, а как чайник закипит, делаю несколько глотков из кружки с выжатым еще в обед пакетиком «Липтона», после чего вновь надеваю рукавицы с налипшими на них кусками льда и мчусь на улицу. Снег идет почти непрерывно, а территория парковки большая. Особенно тщательно надо следить за въездом и коротким промежутком пути между воротами и улицей. Вход на парковку должен быть чист в любое время суток, иначе не оберешься пробок и ругани со стороны водителей. До земли доскребтись в январе уже не имеет смысла – это ведь Астана, а не Ташкент, – поэтому надо следить, чтобы поверх толстой корки льда не налипал новый слой свежего снега – ведь он очень быстро превращается в гололед. Парковочные места тоже необходимо постоянно чистить. Благо, площадь у нас обширная, но в такое время года достаточно нескольких часов, чтобы даже машины занесло с верхом, что уж говорить про свободные места.

У меня есть два сменщика, но очень уж они оба необязательные. Ребята местные, живут недалеко, но к работе относятся выборочно или, лучше сказать – сезонно. В теплое время года приходят регулярно, а вот как ударят холода, могут исчезнуть на целые месяцы, причем оба. Один боится выйти из дома и постоянно прикладывается к бутылке, а другой непьющий, но тоже не приходит. Я слышал, он уезжает зимой на подработки в Караганду, но хозяину в этом признаться боится, чтобы не потерять работу парковщика.

Хозяин наш тоже новых людей набирать не торопится. Обжегся несколько раз: предприимчивые ребята его обманывали и больше половины дохода скрывали, тайком мыли машины за деньги прямо на парковке, катались по ночам на клиентских автомобилях, а один раз даже помяли чей-то «Хендай», что обошлось хозяину в немалую сумму, отданную клиенту за восстановление, а полиции – чтобы отстали. Поэтому он готов месяц-другой потерпеть отсутствие моих сменщиков, зато уверен в их честности. Кроме того, я никуда не тороплюсь и даже рад жить в вагончике на постоянной основе. Сам я не местный, три года как приехал с юга, и обычно живу на Астраханской трассе – в частном доме у родственников. Они мне всегда рады, и дети их, издалека меня завидев, бегут навстречу с радостными криками «дядя Абдулла!» –

но в одиночестве тоже есть свои преимущества. Никого не стесняю, могу посмотреть любимый телесериал на вполне приличном телевизоре, удобства на парковке предусмотрены в виде деревянной будки за вагончиком, есть даже раковина с водой и канализационная труба. Даже автомобиль у меня есть – его мне брат передал на хранение после одной неприятной истории.

Мой двоюродный брат всегда был не дурак выпить; ни одна суббота не обходилась без обязательной попойки с приятелями. Как-то раз наутро после возлияния ему пришлось срочно ехать в аэропорт встречать знакомого. По пути его остановили гаишники. После наркодиспансера его лишили права водить автомобиль на три года. Это случилось незадолго до того, как я приехал в город. Брат выдал мне доверенность и страховку, и с тех пор я держал эту машину на нашей парковке – благо, за личный транспорт своих работников хозяин деньги не брал. Я ее поддерживал в чистоте, периодически заводил, но ездил крайне редко – бензин по нынешним временам вещь драгоценная.

Зимой в вагончике тепло и есть еще дополнительное благо в виде тройной зарплаты – работать-то мне приходится за двух сменщиков одновременно. Хозяин иногда смущенно опускает глаза и бормочет, что не позволил бы себе заставлять так работать человека в возрасте, но я его тут же ободряю и уверенно отговариваю от идеи поискать кого-то еще. Наше поколение привыкло к упорному труду, да и не стар я вовсе – всего лишь три года назад достиг пенсионного возраста.

Не могу точно сказать, что заставило меня после сорока лет работы мелким государственным служащим на одном месте бросить все и переехать в холодную столицу. Да и бросать было особенно нечего. На работе забыли о моем существовании еще за два года до выхода на пенсию. Ушел я тихо, без всяких проводов; единственное, о чем беспокоилось руководство в день моего увольнения – так это о прилежном заполнении дебильной бумажки под названием «обходной лист». Супруга давно уже отошла в лучший мир, у детей теперь свои семьи, и живут они в теплой Алма-Ате. Квартиру пришлось продать, чтобы помочь детям, и последние годы в родном поселке я так же, как здесь, путешествовал по родственникам. Потом двоюродный брат позвал в Астану. Тут, говорит, много возможностей, вся страна сейчас в Астану едет. Хотели вместе заняться сельским хозяйством и продавать товар на рынке. Но потом оказалось, что земельный участок, который он купил, ловкий прежний хозяин сумел каким-то образом одновременно продать сразу пятнадцати покупателям. Брат теперь непрерывно судится, но тяжба эта, кажется, не закончится и спустя многие годы. Через родственников меня порекомендовали на эту самую парковку, и вот я работаю тут уже третий год. Успел привыкнуть к морозам. И заимел много хороших слушателей.

Если вечером на парковке обычно аврал, то днем, как только большинство клиентов разъедется по своим делам, наступает благостное затишье. Можно сидеть в магазине за сладкими булками, налить себе чаю и пить теперь уже неторопливо, с расстановкой, получая удовольствие от процесса. В маленькое окошко вагончика видно, как проносятся автомобили по узкой улице Рыскулбекова, проходят редкие прохожие, в гаражах перед девятым домом кто-то обязательно чинит машину, – словом, жизнь идет своим чередом, и наводит на мысли о высоком, иногда даже о самой идее существования. И если за нашим маленьким столиком есть еще один собеседник, умеющий не только говорить, но и слушать, то день превращается в нечто волшебное.

Обычно я разговариваю с клиентами, если они никуда не спешат, или с жителями окрестных домов. Некоторые приходят с явным желанием найти собутыльника. Таким приходится

объяснять, что я не пью, но не против, если они будут употреблять в моем присутствии. Только буйных не люблю и безапелляционно призываю их к порядку с помощью физической силы, коей меня природа наградила достаточно щедро.

Бывает, что слушатели меня не понимают. И дело тут не в моем высшем образовании и многих десятилетиях опыта бумажной работы. В последние годы люди постоянно куда-то бегут. Им не хватает времени, денег, общения, и в результате они не могут долго беседовать с одним человеком, а срываются с места и несутся в неизвестность. А я остаюсь один и продолжаю смотреть из окна вагончика на заснеженную улицу.

В один из таких дней я вспомнил, что в юности писал фельетоны в районную газету и даже получил за это одобрительный отзыв главного редактора. Мне говорили, что мои фельетоны легко читать. Поскольку свободное время у меня сейчас есть, я раздобыл большую тетрадь и принялся заносить в нее интересные истории, которые услышал во время работы парковщиком. Так получилось, что большинство историй оказались связаны с нашим участковым инспектором. Он появился в районе всего около года назад, но удивительных событий за это время с ним произошло немало, и я сам был свидетелем многих из них.

Участковый прибыл в город в звании лейтенанта. Его зовут Азамат Касымов, и ему уже далеко за тридцать. Приехал он откуда-то с запада – с тех мест, где города начинаются на букву «А» – то ли с Актау, то ли с Актобе. Внятно он произносил только название своего родного поселка или микрорайона – Авангард.

Высокий и подтянутый, участковый, тем не менее, производит впечатление сломленного человека. Себя он называет «старый лейтенант», произнося это звание без особого разочарования. Говорили, он успел натворить дел еще у себя дома, а по приезде в Астану снова отменился. Ну, во-первых, он никогда не позволяет себе греть руки на чужом добре и даже не склонен к рукоприкладству, но на этом список его смертных грехов не исчерпывается. Как я понял, он болен самой непростительной и глупой болезнью из тех, какие только возможны у чиновного люда – полным отсутствием уважения к начальству. После бесславных лет на родине его порекомендовали в Астану, лишь бы только от него избавиться, но в первый же день работы на новом месте он умудрился наговорить гадостей чуть ли не начальнику городского департамента внутренних дел, и только вмешательство его покровителя спасло Азамата от увольнения. Где-то в министерстве работает старый друг его отца, который многим обязан их семье, он-то и посодействовал переводу лейтенанта в столицу. Страшно отчитав хама, он распорядился отправить его участковым в самую страшную дыру, какую только можно найти в Астане. В итоге его прислали к нам на Гвардию и благополучно о нем забыли.

Другие полицейские в участке относились к нему как к изгою, а в связи с отрицательными характеристиками его не пустили в общежитие, так что ему пришлось поселиться в съемной комнате где-то на улице Мустафина, что отражалось на его зарплате, и без того лишенной всяких льгот. Внешне участковый относился к этому стоически, ничем не выдавал своего бедственного положения. Зато в связи с отвратительным, по мнению его коллег, характером и отсутствием малейших навыков полицейской работы у него было много свободного времени, и дела ему поручали самые захудалые: обходить подозрительные квартиры, мирить вечно дерущихся супругов и тому подобное. Однако именно во время такого задания и начались те удивительные события, которые я собираюсь поведать вам в этой, а также в других историях, запланированных на этот год.

Участковый появился в районе в самом конце декабря позапрошлого года. Зима тогда была относительно теплой для Астаны. До этого две недели морозило за минус сорок, но это было единственное долгое и глубокое падение температуры за весь сезон. Все тогда было, как положено в такую погоду – на улицах появились эвакуаторы, торжественно препровождающие в последний путь к воротам СТО заиндевевшие «Мерседесы»; крытые паркинги гостеприимно закрылись, ошетинившись грозными объявлениями, а у их дверей выстроились очереди из страждущих обогреть мотор; во дворах мужики залезли с горелками под замерзшие автомобили, а бывалые старики оставляли машины с работающими двигателями на всю ночь, прекрасно зная, что, заглохнув, они больше не заведутся. В каждом дворе образовалось по одному-два огромных сугроба с алматинскими машинами внутри, брошенных отчаявшимися владельцами до окончания ледникового периода, то есть до середины апреля.

Один такой сугроб возвышался и на нашей стоянке. Как только днем температура поднялась до минус восемнадцати, я взял щетку и отправился к сугробу в надежде откопать несчастный автомобиль. Тут мне бросился в глаза полицейский «Фольксваген», несущийся по улице Рыскулбекова со стороны проспекта Абылай Хана. Он проехал чуть ли не до улицы Шакарима, потом остановился в раздумье и начал медленно возвращаться к нашей парковке.

Забор у нас сделан из профлиста, и довольно низкий, поэтому вся улица хорошо видна. В этот момент в поле зрения полицейской машины оказалось только три живых существа: бродячая собака у гаражей, хорошо откормленная ворона на занесенном снегом грузовике и я, жизнерадостно разгребающий огромный сугроб. Оценив всех троих и посоветовавшись, стражи порядка все же выбрали для переговоров меня.

Водитель опустил стекло и крикнул мне:

– Эй, старик! Рыскулбекова девять как проехать?

Я немедленно прекратил чистку и подошел к забору. Конечно, некультурно разговаривать через ограду, тем более обнесенную колючей проволокой, но до выхода с парковки идти было далеко, поэтому в виде компенсации за отдаленное общение я решил ответить подробно и обстоятельно:

– Девятый дом находится прямо за вами, уважаемый господин старший лейтенант. Да, да, этот самый, зеленоватый, словно кафелем обложенный. У меня в прежней квартире ванная именно таким кафелем была выложена. Только с улицы Рыскулбекова вы на машине во двор не въедете. Тут, как видите, гаражи. Вам придется вернуться на Абылай Хана, поехать в сторону Встречи и свернуть на следующую параллельную улицу – там, где магазин «Апрель». А там через дворы доберетесь до девятого дома.

Полицейский внимательно меня выслушал и закрыл окно. После короткого обсуждения двое вышли из машины и отправились к дому пешком, нахлобучивая по пути черные меховые шапки. «Фольксваген» поехал на Абылай Хана тем маршрутом, который я подсказал.

Мне стало интересно – не каждый день в наш район приезжает опергруппа. Я закрыл вагончик на ключ и попросил присмотреть за входом на стоянку ребят из шиномонтажа, что приткнулся к нашему забору. В такое время клиенты практически никогда не приезжали, а девятый дом от парковки в трех десятках метров. Я пересек улицу Рыскулбекова и, пройдя ряды ржавых гаражей, перемахнул через трубу отопления, за которой начинался двор девятого

дома. Небольшая толпа у одного из подъездов подтвердила мои догадки о том, что в здании происходит нечто необычное.

Тут собралось семь-восемь местных домохозяек. Поддержку им оказывали многочисленные головы обывателей, с интересом наблюдавшие за происходящим из окон. Трое полицейских были уже внутри дома, а водитель расспрашивал домохозяек. Те, конечно, радостно ему докладывали обо всем, что им известно. Активнее других выглядела Галина с третьего этажа – я ее знал, она часто приходила на парковку кричать на меня по разным поводам: машины слишком громко прогревают двигатель, пьяницы у вагончика собираются, это вы нашу кошку убили, от вашей парковки идет запах гари, грязь тут развели и тому подобное. Несмотря на то, что я дважды показывал ей казахстанский паспорт, меня она упорно называла гастарбайтером.

В данный момент Галина переживала один из самых воодушевленных моментов своей жизни, так как оказалась ближайшей соседкой беспокойной квартиры, и прочие домохозяйки глядели на нее с плохо скрытой завистью – они и сами были не прочь все рассказать, но полицейский отдал предпочтение основному свидетелю. Галина, таким образом, была в центре внимания. Из ее слов мне удалось понять, что произошло в квартире на третьем этаже.

– У них семья вполне обычная всегда была, – с расстановкой докладывала Галина, в то время как полицейский деловито записывал показания в планшетку. – Да, ничем таким эти Жамановы не выделялись. Ну да, муж попивает, на работу не ходит. Скандалы в семье частые, и все из-за этого лодыря. Жена вроде в колледже преподает, но в последнее время из-за сына тоже в основном дома сидит. Их сын страдает детским параличом. Мальчик очень хороший, но вот так не повезло. А в последние недели вдобавок эта напасть завелась.

– Началось все с нашей собаки, – быстро вставила одна из соседок.

Галина бросила на нее ревностный взгляд и перехватила инициативу, на корню задушив дерзкую попытку занять ее пьедестал.

– Многие в нашем доме держат живность, – продолжала Галина, локтем отталкивая соседку в задние ряды. – У меня тоже кошка была, пока эти приезжие с парковки ее не украли. Вообще, эту парковку вам надо проверить, там сплошная антисанитария и еще невесть что творится!.. И вот, недели две назад вся живность в доме как взбесилась! Кошки метались по квартирам, сдирали обои, нападали на хозяев, собаки выли и не находили себе места, попугаи в клетках бились о прутья и кричали. Многие животные сбежали из дома, а остальных жильцам пришлось отдать родственникам в другие дома, иначе было нельзя. Почти одновременно с этим в моей квартире стали чувствоваться стуки и покачивания, и все было по той стене, которая граничит с квартирой Жамановых. По ночам стало невозможно спать. А однажды меня, взрослую женщину, мать троих детей, кто-то обругал матом в собственной квартире! Я даже повторить не могу, что мне сказали, но в интересах следствия могу написать в показаниях. И непонятно, кто это сказал. Я всю квартиру обыскала – может, где-то спрятан динамик или телефон, может, это чья-то плохая шутка. Но ничего не нашла. А когда я устала и присела в той комнате на диван, кто-то ехидным голосом мне сказал: «Ну что, дура старая, обломилась?» Это было уже выше моих сил. Я пошла в квартиру Жамановых предъявить им претензии, но то, что я там увидела, заставило забывать о моих собственных обидах. У них там творится настоящий ад! На стуки и мат они уже мало внимания обращают. Там постоянно происходят возгорания и течет вода то с потолка, то со стен, и все это без всякой видимой причины.

– Причина всегда есть, поверьте, – безапелляционным тоном отчеканил полицейский. – Капитан Алтыбаев обязательно найдет виновников, и мы их накажем.

– Конечно, уж вы-то их найдете! – с готовностью подтвердила Галина. – Мы весь подъезд вверх дном перевернули, но никого не нашли. А ведь к кому только не обращались. Из двух мечетей имамы приходили молитвы читать – не помогает. Даже этих, бородатых таксистов просили, и кого-то вроде кришнаитов, был и экстрасенс один. Они тут и читали, и все провоняли своими дымными палочками, но бесполезно. Когда они в квартире, это замолкает, а как они выходят, все начинается снова. Я и батюшку из церкви приводила. Хотя по религии он им не подходит, но на мне это тоже отражается, поэтому он согласился. Почитал, святой водой окропил, но лишь стоило ему уйти, как стуки и голоса продолжились. Теперь никто не понимает, что это такое, и как его вывести. Если это чертовщина, то после имамов и батюшки она должна была уйти. А раз не уходит, то все может быть, что это проделки каких-то хулиганов. А хулиганов у нас в подъезде отродясь не было, пока... Знаете, этот подозрительный тип, которого они недавно наняли для лечения сына... Он пришел как раз незадолго до того, как это все началось. Вроде бы он здоровается всегда, улыбается, но что-то в нем есть неприятное. Вам обязательно надо его проверить по базе разыскиваемых мошенников.

– Кто такой? – заинтересовался полицейский.

– Да этот, я даже имя его не запомнила, – начала было Галина, но процессия, внезапно появившаяся из подъезда, прервала ее показания.

Галина лишь обрадованно воскликнула:

– Да вот же он! Я же говорила...

Трое полицейских с толстым капитаном во главе вели закованного в наручники мужчину лет сорока. Задержанный, худой и усатый, не выказывал никаких признаков беспокойства, хотя выглядел мрачным и уставшим. Он галантно поздоровался с дамами, за что тут же получил тычок в спину от одного из конвоиров.

Капитан осадил ретивого подчиненного короткой фразой:

– Серик, не надо, не здесь.

Подследственного затолкали в «Фольксваген», и двое полицейских сели по обе стороны, чтобы он не мог сбежать. Капитан без всякого интереса посмотрел на домохозяек, отошел в сторону, вынул из кармана пачку сигарет, зажигалку, и величаво закурил.

Пока капитан курил, жильцы продолжали рассказывать полицейскому детали происшествия. Из-за угла появилась высокая фигура в мятой полицейской куртке и скособоленной ушанке. Это был лейтенант Касымов. На его добродушном лице отражались следы ночной попойки. Под мышкой лейтенант держал тоненькую папочку. В целом, если бы не полицейская форма, Касымов вполне сошел бы за аспиранта-заочника, который вместо подготовки к экзамену всю ночь прокутил, а теперь спешил к научному руководителю в надежде загладить свою вину.

Участковый подошел и отдал честь капитану. Тот на него даже не посмотрел.

Поскольку капитан стоял поодаль от входа в подъезд, разговор двух офицеров слышал только я. Мой невзрачный облик, как правило, выпадает из поля зрения большинства людей, поскольку я невольно сливаюсь с окружающим ландшафтом.

– Участковый Касымов, – откашлявшись, произнес лейтенант. – Разрешите приступить к работе?

– Где ходишь, лейтенант? – недовольно спросил Алтыбаев, продолжая смотреть куда-то в морозную даль. – Ты должен прибывать по вызову раньше нас.

– Прошу прощения, но в четырнадцатом доме по Мусрепова случился...

– Что за внешний вид? – с нескрываемым презрением перебил капитан. – И запах от тебя за километр... Будешь так работать, вылетишь скоро из органов к черту, и даже твой родственник в министерстве не поможет.

Азамат торопливо поправил шапку и отряхнул куртку. Его судорожные движения и полное раскаяния выражение лица несколько смягчили беспощадного капитана. Он выбросил окурок и, зевнув, сказал вполголоса:

– Так наверху какая-то ерунда творится. Мы одного взяли, в доме не прописан, родственником жильцов или арендатором не является. Похож на ловкого фокусника или гипнотизера – устроил там черт знает что. Пока мы были внутри, на нас кто-то вылил воду, а потом сверху упала записка. Вот она, видишь, написано: «Как дила минты». Хозяева клянутся, что не знают, чей это почерк. Но я почти уверен, что это все его рук дело.

– Ну, я все равно зайду туда, мне надо все записать? – спросил лейтенант.

Алтыбаев впервые за все время разговора взглянул на него и удивленно протянул:

– Конечно, ты туда зайдешь. Он еще спрашивает! Мы от этих хозяев еле отделались. Они нас отпускать не хотели, боятся одни оставаться. Сейчас, говорят, вы уйдете, а оно в нас стульями кидаться начнет. Я им ответил, что у нас еще куча вызовов, но мы оставим вам в помощь нашего местного специалиста. Так что иди, постарайся побыть там подольше и фиксируй все происходящее в блокноте. Если эти безобразия продолжатся, как они сказали, значит либо у этого мошенника есть сообщник, либо он там установил какие-то механические или электрические устройства, вызывающие все эти явления, которые жильцы принимают за нечистую силу. А может и не принимают, а сами активно в этом участвуют. Ты сейчас увидишь эту семейку – они чем-то на тебя похожи. Отец алкаш, мать психичка, обстановка в квартире напряженная. Вполне возможно, белая горячка или еще что похуже. То есть все, как ты любишь. Так что вперед, и я жду твоего отчета к вечеру. У себя мы дело регистрировать не будем, пока не убедимся, что тут нет уголовщины. Если этот парень окажется чист, то дело, выходит, не в нашей юрисдикции, а чисто твое. С тобой на связи будет лейтенант Садырбаев.

Капитан подошел к жильцам и сказал им несколько дежурных фраз о том, что все под контролем, мы разбираемся, прошу всех разойтись и не беспокоиться, и еще что-то в этом роде. Потом оперативники сели в машину и уехали. Инспектор Касымов грустно посмотрел им вслед и вместе с Галиной направился в квартиру.

А я постоял у крыльца еще несколько минут, слушая рассказы домохозяйек, после чего пошел обратно на парковку. Дальнейшие события я буду излагать со слов Ерлана, самого участкового и других участников событий, за исключением нескольких моментов, когда мне самому пришлось стать свидетелем перипетий наших героев.

Дверь подъезда оборудована домофоном, но днем она почти всегда раскрыта нараспашку, поэтому внутрь из двора может зайти любой прохожий. На площадке первого этажа обычно разбросаны объявления и бесплатные газеты, которые выпадают из старомодных почтовых ящиков. Сам подъезд узкий и затхлый, но характерной подвальной вони нет. Вернее, не было до описываемых событий.

Еще не доходя до площадки третьего этажа, инспектор сразу понял, в какой квартире происходят события. Дверь, расположенная прямо напротив лестницы, несла на себе следы недавних возгораний, а также была в нескольких местах обмазана краской и чем-то вроде нечистот, с соответствующим и очень сильным запахом.

Галина заткнула нос платком и прогнусавила:

– Это еще ничего. Вы сейчас еще не то увидите.

Дверь открыла молодая хозяйка в прожженном халате и чрезвычайно утомленным лицом.

– Обувь можете не снимать, – сказала она.

Инспектор бросил взгляд на пол, покрытым слоем мокрой и сгоревшей бумаги вперемешку с известью, клочьями шерсти и другими отходами. Запах в квартире превосходил по крепости подъездный раз в десять.

– Ну как вам? – спросила хозяйка, пытаясь криво улыбнуться.

– Ничего, обстановка вполне бодрая, – спокойно ответил Касымов. – Мне много лет пришлось жить в пятиэтажке с затопленным подвалом. Очень похоже.

Хозяйка пожала плечами и молча провела гостей по комнатам. В квартире было три комнаты: прямо от двери детская, слева – спальня, а дальше – большая общая комната, которую Галина называла «залом». Узкий коридор отделял зал от кухни и санузла.

В детской одна из кроватей была заправлена, на второй оказалось набросано серое тряпье. Рядом в куче были свалены две спортивные сумки и чьи-то явно не детские вещи.

Инспектор вопросительно посмотрел на хозяйку.

– Это вещи Ерлана, – отреагировала та. – Он нам помогает... Помогал с ребенком. А дети пока живут с нами.

Тут инспектор вздрогнул, поскольку в стене раздалось несколько оглушительных стуков. Затем куча с вещами Ерлана заходила ходуном и расплескалась по всей комнате, словно фонтан из гейзера.

Касымов, которому лицо залепило давно не мытыми мужскими носками, выругался, отдрал от себя пахучие тряпки и бросил их на пол. Хозяйка и Галина вели себя спокойно и в ответ на изумленный взгляд инспектора просто закрыли дверь комнаты. Инспектор быстро принялся записывать увиденное в блокнот.

– Да бросьте вы, потом запишете, – сказала Галина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.